

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Журнальные новости.

„Мужика“ г. Чехова и г. Меньшикова.

(Русск. Мысль, апрѣль.—Книжки Недѣли, май).

Последній рассказ г. Чехова „Мужика“, изданный въ апрѣльской книжкѣ *Русской Мысли*, и, вѣроятно уже знакомый читателю, привлекъ къ себѣ общее вниманіе.

Уже это одно обстоятельство показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, действительно недюжиннымъ. Мало-ли, въ самомъ дѣлѣ, появилось за послѣдніе мѣсяцы большихъ даже романовъ болѣе или менѣе известныхъ авторовъ, романовъ, которые не вызвали и доли того интереса, какой вызвали короткіе очерки г. Чехова. Не говоря уже о пещахъ въ родѣ отицки дѣланнаго-дѣланнаго, правоучительнаго и чиннаго „Плоскогорья“ г-жи Гуревичъ, или не только продолжительной „Жизни“ г. Пташенко, даже романъ П. Боборыкина „По другому“, касающійся сапожничества, теченій мысли въ нашемъ периферическомъ по своимъ настроеніямъ обществѣ, прешелъ пока малозамѣченнымъ, хотя онъ-ли не долженъ былъ вызвать страстное къ себѣ отношеніе, напр., карриатурю, и доволно грубую и неостроумную, на „нарисованъ“ въ лицѣ Шемядунова. Въ чемъ причина необычайнаго успѣха небольшого наброска г. Чехова?

Г. Чеховъ—величина уже вполне опредѣлившаяся въ нашей литературѣ. Тонкій изобразитель настроеній, которые можно назвать „суперечными и хмурими“ (два оборота его рассказовъ носятъ очень подходящіе заглавія: „Въ сумеркахъ“ и „Хмурые люди“) и талантливыя живописательныя приемы—такова его безспорная и общепризнанная репутація. Изумительное мастерство и утонченность Чехова небрежно брошены, какъ бы случайными черточками, вызывая въ фантазіи читателя яркіе образы вѣчнаго міра также стоятъ, какъ вѣщныя въ рекламѣ, „въ конкуренціи“ со стороны другихъ вѣщахъ современныхъ писателей. Тѣмъ образомъ, блескомъ литературнаго

стиля своего г. Чеховъ, конечно, уже порадовать не могъ читателей, какъ чѣмъ то новымъ. Остается предположить, что особенно привлекало вниманіе читателей тема и обработка ея. Можетъ быть, г. Чехову удалось даже сказать то „новое слово“, котораго, пожалуй, не найдя и на страницахъ обновленнаго *Новаго Слова*? Не напрасно же онъ далъ такое широкообъемное заглавіе своему очерку: „Мужики!“—на большѣ, ни меньше. Глѣбъ Успенскій и Тургеневъ были куда поскупомѣе.

Содержаніе „Мужиковъ“ такъ не сложно, что самая фабула можетъ быть изложена въ немногихъ словахъ. Приѣзжаетъ въ родную деревню на отдыхъ лавскій московской гостиницы Николай Чикильдѣевъ съ женою Ольгою и дочкою Сашею, потерявшій на своей лавской службѣ ногу. Но вѣсто отдыха она находятъ въ родной деревнѣ одну нескончаемую безвыходную нужду, вѣчные попреки дармоедствомъ, бѣду и горе безъ всякаго просвѣта. Кончается рассказъ тѣмъ, что Николай, у котораго захаръ выпустилъ кровь, умираетъ, а жена его съ дочерью возвращаются въ Москву, пообранъ Христовымъ именемъ.

Такова нехитрая нить рассказа, на которую наивнымъ тщательнымъ выискиваніемъ отдалены картинки, иногда совершенно случайныя, напр. описаніе пожара, эпизодъ съ солдаткою, которую раздѣла озорники-царли, и т. п.

Каждая изъ этихъ картинокъ и спеломъ такъ и дышетъ жизнью. Напр., забитая деревенская баба такъ и расцвѣтъ въ воображеніи, когда г. Чеховъ въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ, какъ эта большая и сильная женщина начинаетъ дрожать при пыльномъ крикѣ мужа „Ма ары!“, или какъ въ церкви она гладитъ на помѣтѣ сѣню „всподлобъ, угрюмо, уныло, какъ будто это были не люди, а чудовища, которые могли-бы раздавить ее, если-бы она не поосторожилась. А когда дьяконъ возглашаетъ что-нибудь басомъ, то ей всякій разъ чудится крикъ „Ма-ары!“ а она задрогивала“. Читая эти строчки, какъ невольно припомнилась одна изъ картинъ Третьяковской галлерей въ Москвѣ, изображающая приходъ козла на деревенскую свадьбу, и

Низгородский листок.

1897. 6 июня. № 152.

C.2.

животный страхъ проль колдуньей, напавшей на лѣтахъ молодой и бабъ. Эта близость впечатлѣній отъ образовъ, выраженныхъ словомъ, и отъ непосредственно представленныхъ живописью, конечно, одно изъ лучшихъ доказательствъ художественности чеховскаго творчества при передачѣ отдѣльныхъ моментовъ.

Отдѣльные моменты деревенской жизни, какъ она идетъ въ заброшенной Жуковкѣ (Холуевка тожъ), изображены такъ ярко, что сомнѣваться въ правдивости ихъ нѣтъ возможности. Заурядную общающую семью г. Чеховъ рисуетъ и въ будничномъ, и въ праздничномъ обиходѣ, и въ праздничномъ — непокрытое убожество является въ еще болѣе рѣзкомъ видѣ. „По случаю праздника купили въ трактирѣ селедку и парилъ похлебку изъ селедочной головки. Въ полдень всѣ сѣли пить чай и пили его долго, до пѣта, и казалось распухли отъ чая, и уже послѣ этого стали ѣсть похлебку, всѣ изъ одного горшка. А селедку баба спрята-ла“. Жестокости, неуваженія и привычки, деревенскихъ нравовъ, одиозующихъ людей прежде всего съ точки зрѣнія рабочей годности ихъ, просто подчеркиваются авторомъ нѣсколькими словами, какъ „старухи и бабы (при первомъ же знакомствѣ съ прѣзвѣ-ми) глядѣли на ноги Николая, обутыя въ валенки, и на его блѣдное лицо, и говорили печально: „Не добытчикъ ты, Николай Осипычъ, не добытчикъ! Гдѣ ужъ!“ Типъ разгульной солдатины Феклы, чрезвычайно удивившейся автору, подчеркивается то обстоятельствомъ, до какого цинизма надо опуститься, чтобы чувствовать себя свободно въ этой обстановкѣ, ужасной, даже для не слишкомъ прихотливой или требовательной семьи лакея. „Фекла была во вкусу вся эта жизнь и бѣдность, и нечистота, и брань. Она ѣла, что давали, не разбирая; спала, гдѣ и на чемъ придется; воемъ выливала у самаго крыльца: выплеснуть съ порога, да еще пройдетъ босыми ногами по лужѣ. И она съ перваго же дня возненавидѣла Ольгу и Николая именно за то, что они не нравились эта жизнь. — Погляди, что ты тутъ будешь ѣсть, дворяне московскіе! — говорила она со злорадствомъ — погляди — у!“

Именно было бы болѣе вѣрно цитировать

тѣ тонкіе штрихи, которыми авторъ, какъ истинный художникъ, живописуетъ предѣлами деревни. Большинство рецензентовъ, восторженно приветствовавшихъ г. Чехова, такъ и сдѣлало, и ограничивалось передачею разсказа въ длинныхъ цитатахъ съ до-бавленіемъ: „какъ это вѣрно! какъ это живо, какъ это художественно!“ Но исчерпывается ли народная жизнь тѣми художественными деталями, которыя далъ намъ г. Чеховъ? Едва-ли, и нужна совершенно исключительная способность терять чувство мѣры для того, чтобы сказать, напр., какъ это дѣлаетъ, г. Меньшиковъ, что въ „Мужикахъ“ г. Чеховъ на 26 страничкахъ крупной печати какими то волшебствомъ выводитъ чуть ли не всю стоимиліонную массу „мужиковъ“, жизнь цѣлаго океана земли русской въ подводныхъ глубинахъ его“, или утверждать, что „Мужики“, какъ вещь художественная, „даютъ полное знаніе въ затроутой области“.

Именно полноты-то знанія въ „Мужикахъ“ болѣе всего не хватаетъ, какъ ни образно нарисованъ цѣлый рядъ сторонъ деревенской обыденной жизни. Въ томъ недолжикъ, равнодушно формальное отношеніе со стороны начальства, тупая жестокость нравовъ и повальное неимѣжество и суевѣріе, дикое пьянство и т. д., все это совершенно и въ точности вѣрно и изображено такъ, что захватываетъ и подавляетъ читателей. Но и для поверхностнаго наблюдателя народной жизни не можетъ не быть очевидно, что она несравненно сложнее и разностороннѣе, чѣмъ можно было изобразить ее съ точки зрѣнія семьи лакея, нивнившейся искать въ деревнѣ отдыха. Достаточно напомнить, что цѣлая огромная масса жизни крестьянина — земледѣльческій трудъ — совершенно осталась въ сторонѣ. О какомъ же полномъ изображеніи жизни стоимиліоннаго народа можетъ идти рѣчь?

Точно также нельзя не чувствовать какихъ-то пробѣловъ и въ изображеніи общественной жизни Жукова. Деревня расположена въ центрѣ Россіи, что видно между прочимъ изъ того, что крестьяне занимаются для фабрикъ разноткомъ пшени. Близость города и безвѣстна, которое можно предполагать въ Жуковѣ, должна

Нижнегородский листок.

1897. Июнь. № 152.

С. 2.

были бы создать такъ или иначе цѣлый рядъ темъ для бесѣдъ, захватывающихъ утѣшительные интересы мужиковъ. Разговоры о переселеніи, о городскихъ дѣлахъ, о школахъ, заходившіе офинивать книжки (Жуково близъ церкви, слѣд. около села и какая нибудь школа да есть поблизости) и т. д. — все это, конечно, внесло больше разнообразія въ деревенскія бесѣды — чѣмъ это рисуетъ г. Чеховъ, когда утверждаетъ, что „прежде, лѣтъ 15—20 назадъ и ранѣе, разговоры въ Жуковѣ были гораздо интереснѣе. Тогда у мажлага старика былъ такой видъ, какъ будто онъ хранитъ какую-то тайну, что то знаетъ и чего то ждетъ; говорилъ о грамотѣ въ золотой печатю, о раздѣлахъ, о помѣхъ земляхъ, о кладахъ, намекали на что-то; теперь же у жуковца не было никакихъ тайнъ, вся ихъ жизнь была какъ на ладони, у всѣхъ на виду, и могли они говорить только о пухѣ и кормахъ, о томъ, что вѣтъ сѣрга...

Самъ г. Чеховъ, однако, настолько художникъ, что указываетъ если не положительныя черты въ духовномъ обликѣ „мужиковъ“, то возможность ихъ. Самъ онъ, хоть и многоходовъ, но такъ трогательно и просто рисуетъ ихъ безсознательную любовь „къ писанью“ и то, какъ въ ожесточившихся сердцахъ порою вспыхиваетъ горячая жажда справедливости. Напомнимъ крестный ходъ. „И старикъ, и бабка, и Кирьякъ (наиболѣе озлобленные изъ „мужиковъ“) — всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядя на нее и говорили, плача: „Заступница, матушка! Заступница!“ Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землем и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой, невыносимой нужды, отъ страшной воды“... И если Ольга, возвращающаяся въ Москву, послѣ года въ деревнѣ „съ покорными, печальными выраженіями пережитой скорби“, „съ чѣмъ-то тупымъ и неподдающимся въ сея лицѣ, точно она не слышала“, если се „было жалъ растеряться съ деревней и мужиками“, то было-же, значитъ, въ жизни ихъ что-то человѣческое, живое и бодрое, что заставляло Ольгу истратить се всѣмъ тонкимъ ужасомъ ея...

Какъ-бы то ни было, представляя г. Че-

хова все-таки остается за послѣднее время замѣчательнѣйшимъ беллетристическимъ произведеніемъ изъ народной жизни. Но раздуть значеніе его рѣшительно вѣтъ повода. „Если „Мужики“ не явятся событіемъ, дѣлающимъ эру въ беллетристику, какъ когда-то „Антонъ Горемыка“ (несравненно слабѣйшій) или „Записки Охотника“ (не болѣе сильныя), то причина этого будетъ заключаться не въ произведеніе, а въ общество“. Эти фразы со стороны г. Меньшикова, конечно, одно изъ тѣхъ преувеличеній, на чемъ не основанныхъ, которыми вообще изобилуетъ эта восторженная статья. Если „Мужики“ не составляютъ эры, то отнюдь не по вѣтъ обществу, пригласившаго „Мужиковъ“ въ лицѣ многочисленныхъ рецензентовъ радостно отившихъ талантливыя рассказы. Но отъ удовольствія, что литература обогатилась прекрасными рассказами до новой эры въ беллетристику еще очень далеко. „Оно конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ-же стулья ломать?!“ Вѣстѣ съ нареченіемъ городничаго не вѣщаетъ невинный и французскую поговорку: „La plus jolie fille ne rent d'innier plus qu'elle a“, что въ вольномъ переводѣ значитъ „ниже головы не прыгнешь“, и въ итогѣ можно сказать, что г. Чеховъ далъ въ „Мужикахъ“ все, что вправдѣ отъ него ожидать читатели: живыми разрозненными картинками и безъ того бѣдной и сѣрой народной жизни, переданными во всегдашнемъ его неповторимомъ тонѣ, съ вѣчными притворомъ: „Случи! на этомъ сѣтъ, господа!“ Этихъ одинъ эры въ литературу не создашь, какъ не охватишь всей народной жизни въ короткомъ рассказѣ.

Однако, мы сильно, значитъ, охотили таланта, особенно изображающаго народную жизнь, если этотъ рассказъ, по существу и по формѣ не представляющій ничего, что стало бы его значительно выше другихъ чеховскихъ рассказовъ, называть таковой страшно произвольный восторгъ.

Ч. Встрѣчено.